НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ И ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Глава II.

Либеральное направленіе, данное государственному управленію со дня восшествія на Престолъ Государя Императора Александра II, породило во всѣхъ классахъ народа жизнь новую, и за тѣмъ вскорѣ образовались два лагеря прямо противуположные во взглядѣ какъ на дѣла отдѣльныхъ лицъ, такъ и на дѣйствія правительства. Устарѣлыя, привыкшія къ прежнему безотвѣтному и безотчетному дѣйствію, лица, конечно или вовсе не могли, или съ трудомъ должны были подчиниться новому направленію: они съ ужасомъ смотрѣли на новыя предпріятія правительства, страшась за собственное благополучіе испокойствіе своихъ дней.

Другая часть, состоявшая изъ силъ молодыхъ, свѣжихъ, но не исполненныхъ опыта, съ юношескимъ жаромъ устремилась впередъ, не зная ни мѣры своему стремленію, ни цѣли онаго, полагая въ нѣсколько дней, все прежнее устарѣлое пересоздать вновь: среди сихъ

обѣихъ партій, правительство замѣтило всю трудность своего временнаго положенія, будучи съ одной стороны твердо проникнуто потребностію разумной реформы, а съ другой признавая за собою необходимость сдерживать, можетъ быть и благородные, но не основанные на опытѣ порывы молодаго поколѣнія.

Оставалась еще средина между сими двумя партіями, недовольная какъ неподвижностью первыхъ, такъ и быстрымъ стремленіемъ послѣднихъ, которая однакожъ на свои собственныя силы не отважилась принять ничего, — ни содѣйствовать правительству въ его затрудненіяхъ, ни примирять духъ партій, ни даже дѣйствовать смѣло противъ обѣихъ.

Между тѣмъ не тронутая ни кѣмъ, ни силою правительства, ни бездѣйствіемъ отсталаго поколѣнія, партія новая, присвоивъ себѣ девизъ людей передовыхъ, съ каждымъ днемъ усиливаясь не столько впрочемъ числомъ, сколько степенью стремленій къ всеобщей ломкѣ прежняго, дошла наконецъ до размѣровъ, которые конечно ни въ одномъ государствѣ, какое оно бы ни было, не получатъ иного названія, кромѣ отважной дерзости.

Заграничная вольная печать давно уже готовила подобное направленіе и сообразно нынѣшнему направленію умовъ усилила свою ярую работу, и Г. Герценъ сочинилъ цѣлую программу для вѣрнѣйшаго разстройства нынѣ существующаго порядка въ государствѣ. Всѣ средства ему доступны и ни что для него не свято: поднять весь русскій народъ, заставить солдатъ измѣнить присягѣ и долгу чести, заманить казаковъ видами воли, возмутить спокойствіе монаховъ, чиновниковъ, а главное — чрезъ коммерческіе и другіе пути пріобрѣсть

деньги, какъ необходимое средство для поддержанія всеобщаго возстанія.

Допустимъ, что Г. Герценъ находитъ все это необходимымъ для разрушенія деспотизма правительства; но не ужели полагаетъ онъ, что еслибы и дѣйствительно совершилось чего онъ хочетъ, то результатъ изъ того будетъ абсолютно хорошъ? что тогда воцарится въ Россіи идеальное царство, что справедливость будетъ безупречна и каждый до послѣдняго члена въ государствѣ станетъ зажиточенъ? что наконецъ и самый климатъ будетъ лучше? Нѣтъ, Александръ Ивановичъ, не вы первый, не вы послѣдній, которые жертвовали всѣми благами земли и счастіемъ другихъ безъ собственной выгоды, и не одинъ разъ люди ошибались, предаваясь подобнымъ, и дорого платили за подобное забвеніе; теперь человѣчество сдѣлалось болѣе положительнымъ и практичнымъ и знаетъ чего можно ожидать отъ подобныхъ увлеченій. Вы русскихъ на сей разъ не завлечете въ ваши сѣти: русскіе хотятъ лучшаго и этого никто не скрываетъ, но намѣрены достигнуть его инымъ путемъ; ознакомьтесь съ ходомъ нашихъ дѣлъ и вы удостовѣритесь, что дѣйствія ваши ложны и не сбыточны.

Вы въ вашемъ журналѣ начали печатать сообщаемыя вашими корреспондентами извѣстія, обыкновенно въ ложномъ видѣ и сверхъ того еще отъ себя прибавляете свой приговоръ съ цинизмомъ и поруганіемъ на всѣхъ и на каждаго, отъ Бога и Правительства до послѣдней личности, дѣйствующей въ управленіи

Г. Герценъ и его агенты не поняли только одного. что чѣмъ болѣе они употребляютъ брани и угрозъ, тѣмъ болѣе роняютъ значеніе своихъ журналовъ въ

глазахъ тѣхъ, которые не отвергали пользу его изданій, какъ единственнаго тогда органа свободнаго слова.

Повѣрьте, Александръ Ивановичъ, вы съ помощію вашихъ заграничныхъ изданій достигли результатовъ совсѣмъ противу-положныхъ тѣмъ, какіе вы ожидали: думая всѣхъ вооружить противъ Правительства вашею злобою ко всему истинному, вы усилили только осторожность разумнаго русскаго большинства и мы видимъ, что, большинство это содѣлывается главнымъ оплотомъ Правительства. Отдайте себѣ отчетъ: чего вы хотите отъ Россіи и можно ли когда либо достигнуть вашихъ предположеній? Вы могли заблуждаться нѣкоторое время, но продолжать настаивать на развитіе въ Россіи коммунизма, значитъ вовсе не знать нашего парода: или вы уже успѣли въ 20 лѣтъ забыть свое Отечество?

Вы кажется проникнуты убѣжденіемъ, что съ береговъ Темзы вы управляете Россіей и стали ея судьбою; что вы устраиваете правильную администрацію, что керреспонденты ваши только-что не государственные люди и помогутъ вамъ пересоздать царство.

Неоспоримо, вы вашею печатью много уже надѣлали хлопотъ Правительству; но чтобы вы имѣли вліяніе на перемѣну порядка въ нашемъ государствѣ, или чтобы какая либо реформа, сдѣланная правительствомъ произошла въ слѣдствіе вашего указанія — тому конечно ни сами вы, и ни кто иной неповѣритъ; въ утѣшеніе же вамъ остается только одна лесть отъ той горсти молодыхъ людей, которые слѣпо въ васъ вѣруютъ.

Подобныя выходки исторія предъявляла, во всѣ времена, но она же и доказывала, что онѣ никогда не были опасны для Правительствъ и слѣдовательно еще менѣе могутъ быть такими въ странѣ, гдѣ самъ Царь стоитъ

въ главѣ разумнаго улучшенія: сознайте же послѣ этого, Александвъ Ивановичъ, всю слабость вашу и насиліе въ поруганіяхъ, которыми вы поносите лицъ. стоящихъ въ главѣ 70. мил. русскаго народа. Вы полагаете, что ваша партія въ Россіи значительна, потому что публика читаетъ вашу печать; но вамъ слѣдовало бы расчитывать не на число читающихъ, а на вліяніе, которое производитъ это чтеніе, особенно въ новѣйшее время, и ежели бы вы могли слышать сужденія мыслящихъ людей, о сочиненіяхъ вашихъ, вы бы сильно разочаровались.

Во всѣхъ вашихъ писаніяхъ проглядываетъ нетерпѣливое желаніе знать всякое новое распоряженіе нашего Государя, дабы потомъ съ лихорадочною злобою предаться поруганію надъ всякимъ предпріятіемъ, хотя бы оно было, даже по убѣжденію вашему, мѣрою вполнѣ полезною для народа. Вы даже сначала радовались освобожденію крестьянъ, но скоро желчь взяла свое и вы возвратились къ любимому промыслу и наругались вдвое, какъ бы желая загладить первоначальную хвалу. Ваши помощники, по лозунгу старались превзойти васъ, и Долгорукій чувствуя, что всѣ его аргументы не прочны и безплодны, ухватился за послѣднее орудіе — площадную брань и отъ „Будущности перешелъ къ „Правдивому“, къ несчастію забывъ напечатать: „издаваемому самымъ честнымъ человѣкомъ“. Его статья, особенно письмо изъ Петербурга есть конечно достояніе его собственной мысли, которою онъ и вправѣ играть какъ знаетъ, а наше дѣло вѣрить или не вѣрить; но сомнительно, чтобы даже вы могли сочувствовать его наглымъ выходкамъ въ статьѣ о „Кольянщикахъ“. На кого-жъ послѣ этого онъ могъ расчитывать, что станутъ

вѣрить подобнымъ низкимъ выходкамъ? Вы видите, Александръ Ивановичъ, когда человѣкъ разъ забывшій стыдъ, рѣшившійся на кражу 50,000 р. за грязное дѣло, такой человѣкъ уже не замѣчаетъ, что онъ дѣлаетъ и полагаетъ, что всякая низость для него возможна и способна быть въ его рукахъ орудіемъ клеветы людей незапятнанныхъ.

Предлагаемъ и еще случай: рѣшился ли бы такой человѣкъ, какъ Князь Юрій Голицынъ, войти подъ ваше знамя, не зная напередъ, что ему готовится радушный пріютъ? Нельзя не удивляться только, что вы его такъ горячо прижали къ своему сердцу, развѣ надѣясь и въ немъ имѣть нужду для преобразованія Россіи; или можетъ быть за давностію вашего удаленія изъ Россіи вы и не могли изучить въ подробности жизнь этой личности? Въ такомъ случаѣ позвольте васъ вкратцѣ съ нею ознакомить:

Князь Юрій Голицынъ выросъ безъ особеннаго воспитанія; рано только въ немъ проявилась наклонность къ музыкѣ и гастрономіи; на за то этимъ чувствамъ онъ предался вполнѣ и исключительно: послѣ обѣда разсуждалъ съ поваромъ объ ужинѣ, послѣ ужина мечталъ объ обѣдѣ, а промежутокъ посвящалъ музыкѣ. Жизнь обыкновенная и не стоило бы, казалось, о ней упоминать, еслибъ не заслуживали вниманія два особенные случая, которые его хорошо обозначатъ и сообразно которымъ онъ получилъ пріемъ въ Лондонѣ, по крайней мѣрѣ въ первое время его тамъ пребыванія и былъ наконецъ сопричисленъ къ сонму политическихъ мучениковъ, вынужденныхъ оставить неблагодарное Отечество съ его деспотическимъ правительствомъ.

Живя безъ цѣли и безъ серьезнаго приготовленія

къ чему бы то ни было, онъ раззорялся безъ нужды, впадалъ въ долги, хотя уже былъ женатъ и для поправленія своихъ средствъ, занялся устройствомъ пѣвческой капеллы, надѣясь выгодно передать свой хоръ въ Исакіевскій Соборъ, котораго освященіе предстояло тогда въ скоромъ времени. Надо ему отдать справедливость какъ капельмейстеръ онъ точно знатокъ своего дѣла: набравъ сотню голосовъ за хорошія деньги онъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ его слушали съ удовольствіемъ, оцѣнили его талантъ, но не сошлись въ цѣнѣ для назначенія этого хора въ Исакіевскій Соборъ. Пѣвчіе, вытребовавъ расчетъ, разошлись и онъ очутился одинъ предъ множествомъ кредиторовъ за невыплаченные долги. Безъ денегъ и внѣ возможности выѣхать изъ столицы, преслѣдуемый кредиторами, Голицынъ прибѣгнулъ къ такому способу, котораго иной не выдумалъ бы ввѣкъ; онъ написалъ къ вамъ, Александръ Ивановичъ, письмо, конечно самаго яраго содержанія, разругалъ по вашей программѣ всѣхъ, кого по вашей инструкціи надлежало, и отправился ходить около Главнаго штаба, поджидая встрѣтить писаря. Перваго встрѣченнаго онъ остановилъ, просилъ письмо это переписать, давъ ему деньги и адресъ свой, куда надлежало принести. Писарь прочелъ и естественно, увидавъ содержаніе письма, представилъ его по начальству. Дѣло началось и его арестовали и какъ онъ извѣстенъ уже былъ за пустаго человѣка, то не придали его поступку никакой политической важности, выслали въ Тамбовскую губернію, кажется въ городъ Козловъ на жительство. Этого только Голицыну и хотѣлось: кредиторы ахнули, да и сказали: пиши пропало.

Но Голицынъ зналъ, что избавившись на первыхъ

порахъ отъ кредиторовъ, онъ все таки отъ судебнаго порядка не освободится и рано или поздно его достигнутъ; обдумавъ это онъ рѣшился бѣжать изъ Россіи.

По возможности собралъ онъ послѣднія крохи своего состоянія и для полноты романа, покинувъ жену, увезъ молодую дѣвицу хорошей дворянской фамиліи и обвѣнчавшись съ нею, благополучно прибылъ въ Лондонъ.

Если предшествовавшая его жизнь была только безумна, то послѣдующая стала для него вполнѣ нестастна: послѣднее что было, онъ промоталъ и для спасенія началъ давать въ Лондонѣ русскіе концерты, конечно не упустивъ на афишахъ написать: par le Prince Golitzin. Музыка поправилась, но не обогатила его; а теперь и вы его отъ себя оттолкнули, увидавъ, что съ нимъ толку нѣтъ. На дняхъ еще въ иностранныхъ газетахъ опровергнутъ былъ слухъ, будто онъ изъ Лондона хотѣлъ бѣжать отъ кредиторовъ.

Не останавливаясь на письмѣ, писанномъ къ вамъ отъ него и составляющимъ одну изъ характеристическихъ сторонъ его жизни, обратимъ вниманіе на учиненную имъ явную бигамію, которая тѣмъ болѣе удивительна, что онъ живетъ среди народа, на этотъ счетъ чрезвычайно строгаго. Вы скажете: этого никто не знаетъ; но вы про то знаете и казалось бы подобное явленіе не должно быть терпимо, или можетъ быть это допускается во имя политическаго страдальца? Несомнѣнно впрочемъ, что рано или поздно Англійское правительство до него доберется.

Вы видите, Александръ Ивановичъ, что не легко Вамъ похвалиться достоинствами сподвижниковъ вашихъ, но въ большемъ дѣлѣ все нужно, и предпринявъ прео-

бразованіе Россіи, вы безъ подобной опоры обойтись не можете.

Между тѣмъ, помимо вашего содѣйствія наша любезная Россія быстро идетъ впередъ на пути разумнаго прогресса: 6 лѣтъ Царствованія Императора Александра II составляютъ въ государственномъ движеніи 60 лѣтъ прошедшаго. Царь, отъ котораго идутъ всѣ предначертанія, подобно приложеннымъ при семъ постановленіямъ, энергически, съ юношескими силами работаетъ на благо своей родины и конечно исторія отдастъ ему на безпристрастныхъ своихъ страницахъ дань, достойную не многихъ великихъ дѣятелей, которые, не взирая на неутомимыя преграды времени и привычекъ народа, не касаясь уже ядовитыхъ козней заграничныхъ писателей и ихъ помощниковъ, сумѣлъ на пути усовершенствованія проложить свѣтлую дорогу по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія и покойно взираетъ на будущность своего Отечества: такой только историкъ, твердо стоя за истину, станетъ судьей Его Особы.

А вашъ лозунгъ изъ Лондона здѣсь принимается только толпою невидимыхъ дѣятелей и конечно ни кѣмъ изъ опытныхъ и разумно-либеральныхъ людей. Одинъ изъ самыхъ пошлыхъ поводовъ, чтобы потревожить общество составляютъ памфлеты; скоро минетъ уже годъ, какъ здѣсь распространяютъ печатныя прокламаціи, дѣтское содержаніе которыхъ вы знаете: но гибель Михайлова, какъ вы сами говорили приближеннымъ въ Лондонѣ, лежитъ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ вашемъ. За тѣмъ вновь появившіяся прокламаціи даютъ еще болѣе жалкое понятіе о степени умственнаго развитія не призванныхъ преобразователей Россіи, и сознайтесь, Александръ Ивановичъ, когда вы ихъ прочли, вамъ самимъ досадно было на

какія ребяческія силы вы расчитывали! Теперь преобразователи провозгласили, что государственная дума учреждена, но что общество еще не созрѣло для формальнаго и явнаго противудѣйствія противъ существующаго правительства. Ну, ежели это вся Европа узнаетъ чрезъ газеты, право стыдно будетъ намъ, что русская земля способна произвести столь легкомысленную массу народа; но все это положимъ, безопытная молодежь, а вы то, Александръ Ивановичъ, мечтаете съ этой арміей потрясти Россію; съ этимъ архимедовымъ винтомъ повернуть ось земную, ходъ царства остановить! . . . .

Исторія не являетъ примѣра, чтобъ быть народа улучшался съ помощію памфлетовъ и поруганій; только прямое открытое и разумное слово способно приносить пользу Государству и народу, и это-то слово получило у насъ жизнь по желанію и содѣйствію Императора, а ежели и случалось, что любовь къ Отечеству иныхъ заносила слишкомъ далеко, то это было плодомъ горячаго воображенія, увлеченія юношескихъ силъ и ограничивалось не упрекомъ, а совѣтомъ благоразумія.

Читайте наши газеты и журналы и сравните съ литературой вашего времени — вамъ можетъ быть и совѣстно станетъ за вашу современность: въ Россіи умныхъ людей всегда было довольно, всѣ они любятъ свое Отечество и первое слово Царя о желаніи видѣть разумно-свободную рѣчь, вызвало множество энергическихъ дѣятелей, которымъ не нужно вашихъ пожарныхъ постановленій; не нужно также и поддержки со стороны тѣхъ неопытныхъ головъ, которыя поддаются на вашу приманку. Намъ нужна молодость, готовая къ наукѣ, безъ которой нѣтъ прочнаго хода въ будущности; а ваши сотрудники, мечтая съ вами вытащить

Выписка изъ нѣкоторыхъ постановленій за послѣднее шестилѣтіе.

1856 годъ.

1) Учрежденіе эмеритальной кассы въ Морскомъ вѣдомствѣ (начало обезпеченія участи семействъ служащаго сословія).

2) Всемилостивое прощеніе политическимъ преступникамъ.

3) Отмѣна особой пошлины съ отъѣзжающихъ за границу, за выдаваемые имъ паспорты.

4) Объ исключеніи кантонистовъ изъ военнаго и морскаго вѣдомства (особожденіе цѣлаго сословія отъ обязательной службы въ нижнихъ чинахъ).

1857 годъ.

5) Сооруженіе первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

6) Объ увольненіи крѣпостныхъ людей за-границу.

7) Нарѣзныя ружья.

8) Трактатъ съ Японіей.

9) О возможномъ сокращеніи расходовъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія.

10) Объ отмѣнѣ присяги при производствѣ въ чины и при назначеніи на новыя мѣста.

1858 годъ.

11) Объ учрежденіи временной коммиссіи для разбора дѣлъ между рядчиками или нанимателями и рабочими или мастеровыми [начало словеснаго, открытаго судопроизводства]

12) Объ исключеніи изъ горнаго вѣдомства дѣтей нижнихъ воинскихъ чиновъ [освобожденіе отъ обязательной службы]

13) Объ увольненіи всѣхъ находящихся въ вѣдомствѣ Путей Сообщенія кантонистовъ Еврейскаго закона въ свободное податное состояніе тѣхъ губерній, откуда родомъ ихъ отцы или воспитатели.

14) Упраздненіе Инспекторскаго Департамента гражданскаго вѣдомства.

1859 годъ.

15) Объ устройствѣ эмеритальной кассы въ сухопутномъ вѣдомствѣ [обезпеченіе участи семействъ цѣлаго сословія]

16) О сравненіи еврейскихъ купцовъ 1 й гильдіи въ платежѣ пошлинъ за торговыя свидѣтельства, съ купцами той же гильдіи другихъ исповѣданій [водвореніе правъ цѣлаго сословія]

1860 годъ.

17) О дозволеніи еврейскимъ купцамъ 1 й гильдіи Царства польскаго приписываться въ купечество 1 й гильдій по всѣмъ городамъ Россійской Имперіи.

18) О распространеніи на возвращающихся евреевъ милости дарованной манифестомъ 26 Августа 1856 года.

19) Объ отдѣленіи отъ полиціи вообще производ-

ства слѣдствій по преступленіямъ и проступкамъ подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ.

20) О дозволеніи нижнимъ чинамъ гвардіи, изъ евреевъ, оставаться на жительствѣ въ Петербургѣ.

1861 годъ.

21) Объ исключеніи изъ почтоваго вѣдомства нижнихъ почтовыхъ служителей [освобожденіе отъ обязательной службы]

22) О прекращеніи назначенія штатныхъ служителей изъ крестьянъ къ архіерейскимъ домамъ и монастырямъ.

23) Права на торговлю женъ служащихъ чиновниковъ.

24) О предоставленіи преимуществъ евреямъ получившимъ образованіе.

Означенныхъ выписокъ изъ множества Высочайшихъ Указовъ, послѣдовавшихъ въ 6^ти^ лѣтнее царствованіе Императора Александра II, вполнѣ достаточно, чтобы указать, что стремленія Его Величества проникнуты разумно-либеральнымъ направленіемъ, истиннымъ прогрессомъ и тою послѣдовательностію въ постепенномъ движеніи впередъ, какая доступна лишь опытному государственному соображенію. А наши западные преобразователи и толпа нашей молодежи мечтаютъ все создать однимъ разомъ и при томъ ни при какой реформѣ не сдѣлать ни одной ошибки. Мы видимъ не только у насъ въ Россіи, но и во всѣхъ самыхъ древнихъ образованныхъ государствахъ, правительства вынуждены бывали, по указанію времени и обстоятельствъ, дѣлать различныя измѣненія своихъ предположеній; а образъ

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ И ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Глава III.

Слѣдя за усовершенствованіяли, какія приведены уже въ исполненіе и за тѣмъ, что теперь въ ходу, поставимъ конечно на первомъ планѣ крестьянскій вопросъ. Освобожденіе сословія совершилось, ибо и не могло болѣе оставаться въ прежнемъ видѣ, хотя и не оспоримо, что если бы сей сильный переворотъ совершался постепенно, какъ теперь многіе это полагаютъ, то исполненіе его было бы лучше. Въ сильномъ огорченіи о потерѣ правъ на крестьянскія силы, помѣщики упрекаютъ правительство - зачѣмъ оно не постепенно ихъ лишаго той власти, которую они или наслѣдовали или пріобрѣли куплею. Но сдѣсь самъ собою рождается вопросъ: почему же владѣльцы (не касаясь исключеній ихъ изъ общей массы) сами не умѣряли своего вліянія на столько чтобы сообразить цѣнность, которую они отдавали крестьянамъ въ угодье, съ силами, которыя

они отъ нихъ брали? Кто имъ въ этомъ препятствовалъ? Зачѣмъ сверхъ работъ, мало по малу, налагались поборы всякими сельскими продуктами, которые все увеличивались? Скажутъ: кто-жъ себѣ врагъ! Но отбросивъ нынѣ всѣ обоюдные упреки, когда великое дѣло уже совершилось, не лучше ли согласиться — что какимъ бы порядкомъ это освобожденіе ни состоялось, потеря для помѣщиковъ всегда была неизбѣжна: теперь же упрекать способъ исполненія этаго дѣла и поздно и опасно. Теперь остается одно для блага владѣльцевъ — крѣпко идти рука объ руку съ Царемъ, подчиниться порядку, который не можетъ уже измѣниться и начать новую жизнь, жизнь интелектуальную, и сполненную полноты мысли: тогда наша жизнь приметъ иное направленіе, мы растанемся съ любимою привычкою пожить съ излишкомъ на чужія силы и будемъ жить сообразно съ собственнымъ бюджетомъ и по своимъ средствамъ. Дворянство обременено долгами и это идетъ исторически отъ одной причины — отъ несоразмѣрности средствъ, какъ нашей собственной жизни, такъ и предшественниковъ нашихъ. Многіе ли, заложивъ и перезаложивъ свои имѣнія, употребили полученные капиталы на усовершенствованіе того, что имѣли; но почти всѣ, заплативъ старые долги посредствомъ займа, начинали вновь широко жить. Кто заложилъ имѣніе тотъ естественно обязался платить чувствительные проценты на долгія лѣта и для того казалось бы надлежало уменьшить свой расходъ; а много ли такихъ, которые поступили такъ? Жизнь шла по прежнему и въ этомъ болѣзненномъ состояніи застало насъ освобожденіе крестьянъ. Это былъ точно ударъ для дворянства, о которомъ можно сожалѣть, но можно тоже и желать,

чтобъ еостоялся общій желанный выкупъ. Среди всего этаго и безъ того труднаго времени является еще Герценъ съ своею пропагандою и кричитъ: отдать крестьянамъ все. Ему укрывшемуся съ капиталомъ хорошо, а какого-то дворянству?

Можно ли проповѣдывать во всеуслышаніе: бери топоры, руби помѣщиковъ? И можно ли послѣ того не признать Герцена возмутителемъ Россіи.

Императоръ Александръ II совершилъ дѣло и ему потомство воздастъ великое за великое. Было много не хорошаго и будетъ еще, но и не возможно при столь сложномъ дѣлѣ безъ сотрясеній; будь только дворянство единодушно однихъ стремленій съ Царемъ — не порядокъ уменьшится; въ противномъ случаѣ, по естественному ходу вещей, онъ можетъ продолжаться къ обоюдкому вреду.

Не оспоримо, что крестьяне относительно Указа о своемъ новомъ положеніи и возложенныхъ на нихъ обязанностей многаго не понимаютъ, во многомъ неправы; исчисляя свои выгоды, они по своимъ понятіямъ, придали не естественно широкое значеніе о своей свободѣ и кромѣ того многіе изъ нихъ хитро и злостно прикидываются не понимающими дѣла. Нельзя впрочемъ оспорить, что во всѣ времена и почти во всѣхъ земляхъ низшій классъ народа всегда имѣлъ наклонность вѣрить всему не естественному, а особенно тому, въ чемъ предвидится ему польза.

Дворянство полагаетъ, что возможно силою заставить крестьянъ понять и исполнить предписанныя правила, но не трудно понять, что не нормальное состояніе этаго класса столь обширно и столъ почти повсѣмѣстно, что принудительныя мѣры требуютъ большой осторож-

ности. Къ сожалѣнію правительство вынуждено было въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прибѣгнуть къ оружію и было не мало жертвъ отъ этой крайности. Иные полагали что такой мѣры можно было избѣгнуть, другіе — что надо это повторять по всюду и вотъ образовались изъ сего два лагеря, разныхъ понятій оба крайнихъ; правительство обязано было избрать умѣренную средину; но конечно на все что посему печатано, Г. Герценъ не обратилъ вниманія.

Особый случай въ казанской губерніи обратилъ на себя общее вниманіе: неповиновеніе или лучше сказать непризнаніе Высочайшаго Указа 19 Февраля, составило массу до 5000 человѣкъ подъ предводительствомъ самаго ничтожнаго человѣка, который надѣвъ длинную рубашку, положилъ Указъ на голову и сказалъ; я пророкъ; указу неповинуйтесь. Желательно бы знать — въ какой землѣ (по мнѣнію Г. Герцена) правительство потерпѣло бы подобное сумасбродство!

Легковѣрные крестьяне безотчетно желая завладѣть всѣмъ, чтобы помѣщики совсѣмъ удалились изъ своихъ помѣстьевъ, подобному вздорному человѣку, стали рѣшительно не повиноваться властямъ и даже убѣдились, по словамъ пророка, что ежели три раза выстрѣлятъ въ нихъ, то ихъ дѣло будетъ выиграно. Между тѣмъ къ нимъ спѣшили на помощь огромныя массы крестьянъ дальныхъ деревень, что давала возможность еще болѣе усумться массѣ даже до того, что они пожалуй начали бы жечь и раззорять помѣщичьи дома и всѣхъ убивать; тогда уже не стало бы силъ съ ними справиться и несчастіе могло дойти до крайнихъ предѣловъ: но и на эту. Мѣру слышались упреки. Г. Герцену легко разсуждать и рѣшать, когда онъ, его семейство и его капиталъ въ

сохранности; но, Александръ Ивановичъ, ежели подъ топоръ несмысленной толпы попала голова вашего сына, подумайте — рѣшились ли бы вы тогда столь безпощадно нападать на то лицо, которое предупредивъ такое буйство тѣмъ самымъ спасло всю страну отъ безчисленныхъ бѣдствій. Легко вамъ внѣ Отечества разсуждать о дѣлахъ родины и рѣшать ихъ по своему и желая выказать, что вы справедливы, всѣхъ и каждаго ручать и проповѣдовать анархію: въ день смерти вашей вспомните о семъ эпизодѣ и о многомъ что говорили и дѣлали.

Правительство не останавливается въ начатомъ дѣлѣ и большинство лицъ разумнаго умѣреннаго образа мыслей, сознаетъ всѣ блага отъ реформъ, которыя уже совершены въ послѣдніе 6 лѣтъ, будучи увѣрено, что Царь, путемъ имъ самимъ избраннымъ, недопуститъ сдвинуть сихъ началъ происками крайнихъ партій.

Трудно себѣ представить — какъ мало еще развиты понятія въ Россіи о жизни общественной: необходимо прежде всего сознать потребность подчиненія закону и хотя часто слышатся возгласы о равенствѣ предъ нимъ но кто же не знаетъ, что такъ должно быть и будетъ? Пока же это еще мертвая буква и желаніе изъятія слишкомъ еще въ нашей крови, а вѣковое преданіе родовыя привычки не разомъ измѣняются. Исторія намъ указываетъ, что у другихъ народовъ такой переворотъ въ убѣжденіяхъ дѣлался медленно, перерождая цѣлыя поколѣнія.

Лишь только воцарился Императоръ Александръ II, какъ выразилъ необходимость дать жизни своему народу болѣе легальной, возбудить умственную дѣятельность людей образованныхъ и мыслящихъ, идти во всемъ впе-

редъ: но было бы не не естественно ожидать, чтобы сразу все пошло основательнымъ шагомъ. Скоро все приняло грустный видъ: диспуты исполнились личностей и несогласія въ мнѣніяхъ вызвало обоюдную ненависть, угрозы и грубость выраженій. Не оспоримо, что все это временемъ уладится, но пока еще въ неустановившемся порядкѣ слѣдуетъ опасаться, что правительство временно вынуждено будетъ принять строгія мѣры. Впрочемъ литература уже начинаемъ проявлятся въ болѣе умѣренныхъ и правильныхъ формахъ и гласно упрекастъ порывъ крайнихъ партій: принужденіе невозможно въ дѣлѣ убѣжденія, по убѣжденіе требуетъ обоюднаго уваженія.

Въ настоящее время у насъ всякая государственная отрасль даетъ свои ростки: открылись воскресныя школы, всѣ захотѣли быть учителями и съ радостію и гордостію къ столь благородному предпріятію обратилось общее вниманіе; но явилось болѣе учителей, нежели учащихся; подписки, театры, концерты и т. п. учрежденія собирали деньги, но отказаться на продолжительное время отъ нѣсколькихъ часовъ воскреснаго дня, иногда единственно свободнаго отъ труда, многіе нашли труднымъ и мало по малу дѣло воскресныхъ школъ нризатихло, а ежелу гдѣ оно идетъ еще, то общество вообще про него забыло и не слыхать о нихъ ни слова болѣе. Начали проявляться общества трезвости, но также умолкли и откупщики, чтобъ только отстоять свои выгоды, старались препятствовать обществу, готовые еще болѣе платить откупныя суммы. Были охотники отпрягать лошадей на похоронахъ актеровъ и везти ихъ на себѣ до кладбища, а ковда черезъ годъ вновь назначили отслужить на могилѣ Мартынова панахиду, о чемъ было

извѣщено во всѣхъ газетахъ, то явилось туда только три артиста, здѣшняго театра. Эта упряжь въ постромкахъ гробовой колестницы, не новое дѣло: въ 1812 году по той же улицѣ народъ, на своихъ плечахъ, везъ къ казанскому. Собору тѣло Фельдмаршала Свѣтлѣйшаго князя Кутузова Смоленскаго — освободителя Россіи отъ громаднаго числа непріятеля; въ 1860 году по той же улицѣ публика везла весьма хорошаго актера и давно ли это было! А теперь уже никто непохвалится желаніемъ быть въ корню или пристяжкѣ и главное потому, что не онъ себя запрегъ, а его запрягла невидимая сила, сила не нашей русской земли, но которой необходимо было для преуспѣянія своего дѣла вовлечь и пріучить насъ русскихъ къ уличнымъ демонстраціямъ. Теперь же не то: на дняхъ при похоронахъ Куторги не только въ колестницѣ небыло людей, но даже и за гробомъ. Теперь даже и нашему. Учителю А. И. Герцену не поютъ хвалебныхъ гимновъ, потому что въ послѣднихъ разбрасываемыхъ прокламаціяхъ доказываютъ, что Герценъ слабъ, что беретъ только злымъ перомъ, надо быстро уничтожить жизнь семейную, устроить раздѣлъ имѣнія, словомъ затѣять сумасбродство, отъ котораго чрезъ малое время вновь будемъ стыдится, что оно могло явиться въ печати.

Князь Вяземскій еще при диспутѣ Костомарова и Погодина о томъ — откуда Россія идетъ, — сказалъ — не пора ли подумать — куда Россія идетъ и мы видимъ дѣйствія безъ цѣли, безъ программы, а поверхъ всего скандалъ и дерзновенное сотрясеніе всего общества двумя, тремя дѣятелями, печатающими гдѣ нибудь скрытно на чердакѣ прокламаціи отъ имени какой-то мечтательской государственной думы.

Среди всего этаго Царь обратилъ особое свое вниманіе на часть народнаго просвѣщенія и могъ уже прибавить къ 3½ милліонамъ изъ государственныхъ доходовъ еще одинъ милліонъ на эту часть. Неоспоримо, что и эта сумма, по соразмѣрности нашего обширнаго государства, недостаточно; но было прибавленіе однаго милліона, развѣ мы не вправѣ ожидать и болѣе?

Ревностно теперь заняты устройствомъ народныхъ школъ. Правительство точно также, какъ и частныя лица проникнуто необходимостью просвѣтить разумъ низшаго класса народа: дано начало и оно неизбѣжно пойдетъ впередъ. Нашъ народъ вѣками былъ лишенъ средствъ себя сознать: онъ являлся, росъ и пропадалъ и всему была одна причина — крѣпосткое состояніе: теперь оно исчезло и все идетъ на степень усовершенствованія, что особенно замѣтно на русскомъ народѣ, въ которомъ есть качества скоро сознать себя и переродиться: среди ихъ началась уже жизнь гражданская, болѣе семейная; но такъ какъ оно идетъ на западѣ, сдѣлать нельзя въ одинъ день; какъ въ болѣзни докторъ сперва осмотритъ, а потомъ пропишетъ осторожно и обдуманно лекарство, точно такъ и въ государственномъ преобразованіи, правительство обязано дѣйствовать по предварительномъ осмотрѣ. Послушаешь Герцена, такъ онъ все лучше всѣхъ знаетъ, ругаетъ всѣхъ, полагая что горю поможемъ. Ежели обратить вниманіе на военную часть, то въ столь короткое время, какія тамъ произошли громадныя перемѣны, которымъ даже трудно повѣрить.

Кто зналъ прежде солдата, эту подвижную машину безъ всякаго сознанія самыхъ первыхъ условій обязанности, тотъ теперь въ силахъ оцѣнить все благое и

современное улучшеніе. Въ 6 лѣтъ русская армія привыкла заниматься стрѣльбою въ цѣль изъ нарѣзныхъ ружей которыя явились вдругъ во всемъ войскѣ; содержаніе и пища улучены одежда, столь часто подвергавшаяся измѣненіямъ, нынѣ дошла до самыхъ удобныхъ, простыхъ и дешевыхъ формъ и солдатъ началъ чувствовать всѣ эти блага. Для военнаго образованія существуютъ всѣ спеціальныя Академіи, откуда много уже вышло отличныхъ личностей, приносящихъ честь военному образованію. Называть эти личности здѣсь неумѣстно, но нельзя себѣ отказать назвать одного, — это Г. Военный Министръ Милютинъ. Всѣ безъ исключенія признаютъ его истинно дѣловѣмъ человѣкомъ и благороднымъ помощникомъ Царя. Проявись люди съ достоинствомъ и они пойдутъ впередъ. Всѣ читали въ иностранныхъ газетахъ слово о Милютинѣ и всѣ назвали отзывъ справедливымъ. Царь окружаетъ себя людьми, которые конечно принесутъ Россіи истинную пользу. Военно учебныя заведенія публикою конечно не признаются за точно соотвѣтствующія учрежденія для предназначенной цѣли, но и всѣ земли Европы, прежде чѣмъ образовать офицера, образуютъ человѣка, а спеціальность передаютъ ему тогда, когда въ немъ проявится до извѣстной степени наклонность къ оному. Нельзя тоже не упомянуть, что и у насъ теперь уже сдѣланы въ семъ отношеніи нѣкоторыя замѣтныя перемѣны, и конечно на нихъ не остановятся; ружье, какъ слышно, не дадутъ кадету съ перваго же дня поступленіе его въ корпусъ, а сперва книги и уже въ послѣднихъ годахъ пребыванія въ корпусѣ займутъ фронтовою частью.

Грамотность солдатамъ преподается гг. офицерами, и они сравнительно съ Воскресными школами, ушли да-

леко впередъ. Эмеритальныя кассы въ военномъ и морскомъ вѣдомствѣ, есть одно изъ самыхъ гуманныхъ учрежденій и вѣроятно эта благодѣтельная мѣра будетъ введена и въ гражданскомъ вѣдомствѣ.

Словомъ на какую часть мы не обратимъ вниманія, всюду видѣнъ Царь въ главѣ усовершенствованія; это мы признаемъ и что-жъ читаемъ въ русской заграничной печати Г. Герцена, Долгорукова и др.: все одно низкое поруганіе того, кому вся Россія признательна.